

ПРИЗНАНИЕ

В индивидуальности Тамары Дмитриевны Вольской, пришедшей в театр имени Щорса в начале 50-х годов, плыло гармоническое сочетание и утонченной женственности, красоты и интеллекта. В творческом составе театра, богатом актерскими разновидностями, молодая исполнительница была ярко самобытна, и образы, создаваемые ею, несли на себе притягательную печать неповторимости.

Казалось, недавно зрители аплодировали строптивой Бетатрисе—Вольской в веселом представлении «З коханям не жартують» П. Кальдерона, признав несомненные достоинства актрисы в «костюмном» репертуаре. А вскоре первый мастер щорсовцев режиссер В. Магар, осуществляя эпическую постановку «Богдан Хмельницкого» А. Корнейчука, именно в Т. Вольской увидел идеальную исполнительницу шляхтянки Зоси — лазутчицы, добившейся расположения гетмана и чуть не погубившей его. Трансформация актрисы была здесь особенно легкой, непринужденной. И при всей помощи режиссера ее авторство было несомненным. Слепительная, со вкусом декорированная внешность полячки, ее притягивающее обаяние оказывались оружием пострашней вражеской сабли. Грань двойственной натуры намечалась филигранно. Героико-романтиче с к о м у спектаклю открытых мужественных интонаций образ придавал тонкость внутренне-го исследования.

Но упрочившуюся репутацию актрисы салонного типа уже оспаривали роли героинь украинской классики. То, что в Зосе-Вольской было зыбко и обманно — нежность, душевная тонкость, — выступало теперь искренне и жертвенно в Марусе («Ой, не ходи Грицю, тай на вечерниці» М. Старицкого) и Софии («Безталанна» И. Карпенко-Карого). Правда, исконно национальное в этих образах, неразрывно связанное с бытовым, мало выявлялось исполнительницей. Нравственный облик этих женщин вырисовывался в сфере надбытовой,

больше находя опору в личном самочувствии самой актрисы. Подчас этим сценическим созданиям не хватало мощи, трогедийного взлета чувств, были они, возможно, излишне субтильны, и в этом смысле не достигали классических образов прочтения образов на украинской сцене. Но в пределах выявленных авторских красок исполнительница радовала искренностью, тонкой передачей драматических переходов.

Особенно выделялся в ее исполнении оригинальной и убедительной трактовкой образа Татьяны в музыкальной драме «У неділю рано зілля копала» по повести О. Кобылянской. В этой лесной красавице не поражали темперамент, экзотические страсти. В героине Т. Вольской было спокойное достоинство, духовная прелесть, внутренняя гармония человека, близкого природе. Такая Татьяна напоминала Мавку из «Лесной песни» Леси Украинки.

...Театральный календарь отсчитывал сезон за сезоном, и новые выходы на сцену Т. Вольской были связаны со все более разнообразной драматургией. Рэмка Анна Вальтер в спектакле «Остання зупинка» Э. М. Ремарка и украинка — колхозница Мария в пьесе «Над Дніпром» А. Корнейчука, мужественный Комиссар в «Оптимістичній трагедії» Вс. Вишневского и фатальная Лебедкина из «Пізнью любові» А. Островского — все это разные миры, характеры... Они требовали от актрисы поисков, единственно правильного решения, и тут часто нельзя было опереться на уже игранное, усвоенное, надо было открывать для себя новое...

В конце 50-х годов сцена особенно испытывала актера на естественность, достоверность. Если спектакль «Богдан Хмельницкий» (1954 г.) был в целом выдержан в тонах романтически-пафосных, если в актерскую передачу героических образов непрошено являлась риторика, декламационность, то в «Щорсе» Ю. Дольд-Михайлика (1960 г.) художественная манера коллектива становится ощутимо тоньше, жизненно правдивее.

В тонах мхатовского психологизма шла сцена в Горках — встреча В. И. Ленина и Н. К. Крупской с Николаем Щорсом. Работа В. Магара с Т. Вольской над образом Надежды Константиновны ставила непрерывной задачей внутреннюю детализацию, психологическую нюансировку. Крупская в исполнении актрисы притягивала внимание зрителей и когда сидела молча, чутко прислушиваясь к разговору Ильича со Щорсом, и когда включалась в этот разговор — тактично, но одновременно с внутренней активностью человека, живущего заботами молодой Страны Советов. Актриса продолжала работу над ответственным образом и в спектаклях «Грозвий рік» А. Каплера, «Є така партія!» И. Рачады.

Если говорить о сегодняшнем творчестве Т. Д. Вольской, то его определяет, на наш взгляд, зрелая идейная углубленность, интеллектуальное осмысление создаваемого характера и, неразделимо с этим, в плане художественной выразительности, — возросшее умение актрисы сочетать ритмо-пластическую подачу образа с вниманием к его внутренним тайникам. Ингигерда в «Ярославі Мудрому» И. Чочерги и Андромаха в «Кассандри» Леси Украинки... Запоминается величавая графичность движений первой — натуры властной, сильной, и изнеженная расслабленность второй, панически боящейся житейских бурь... Конечно, ритмопластический рисунок роли часто оказывается в монополии режиссера. И тем не менее перед нами пример его органичного ощущения исполнительницей как неотъемлемой формы жизни в образе.

Репертуар театра позволил артистке встретиться в последнее время с интересными ролями. Вот хотя бы Кручинна из пьесы А. Островского «Без вины винні». Играла ее она недавно, и образ — бездонно глубокий, емкий, многогранный — дает исполнительнице ощущение еще многих нерешенных задач, загадок... Но здесь ею радость встречена и с глубокой любовью разработана тема действительного гуманизма, столь близкая нашему дню. В образе Кручинной своеобразно обобщаются мотивы многих ролей актрисы.

Почетное звание заслуженной артистки УССР, присвоенное Тамаре Дмитриевне Вольской, хороший повод для всех, кто любит искусство щорсовцев, вспомнить ее лучшие былые работы, чутко присмотреться к сегодняшним художественным поискам и пожелать артистке новых больших успехов.

В. ГАЙДАБУРА.

НА СНИМКЕ: заслуженная артистка республики Т. Д. Вольская.

5 НОЯ 1974

ИНАУСТРАНИЦАМ НЕ ЗАПРОВАЖА
Запорожье